

25.02.2016

МАЙЯ ПРИЦКЕР

Триумф воли

Слегка похудевший, к концу вечера - уставший, но как всегда обаятельный и, главное, во всеоружии своего уникального мастерства и дара, Дмитрий Хворостовский дал 17 февраля концерт на сцене переполненного Карнеги-холл. Все знали о его болезни, об отмененных выступлениях в «Трубадуре», но и о тех трех спектаклях, которые он не отменил и которые стали триумфом его таланта и воли. Как и этот концерт.

Как всегда, ему аккомпанировал изумительный эстонский пианист Ивари Илия, и по окончании программы Хворостовский не случайно первым делом бросился его обнимать. Их ансамбль был совершенным.

Умный, тонко нюансированный аккомпанемент не только высвечивал красоту музыки и значимость слова, но подчеркнул особую, трепетную, даже интимную атмосферу этого концерта.

Звучала русская классика: Глинка, Римский-Корсаков, Чайковский. Один романс лучше другого: нежнейшее легато в «Не ветер, вея с высоты», широта и подъем в «Благословляю вас, леса», как никогда завораживающее, мечтательное «Средь шумного бала», горестные интонации в «Соловей мой, соловейко», трагические в «Не говори, что сердцу больно»... Все пелось, как и в прежних концертах Хворостовского, сочно, ярко, с уверенным знанием, но на сей раз еще и с редкой свободой, свежестью и глубиной, словно открылось заново.

Русскую музыку на Западе знают все еще мало, зарубежное ухо не всегда различает ее прелести, и никто сегодня не может раскрыть их миру лучше Хворостовского, с его бархатным, теплым баритоном, гигантским дыханием, словно созданным для певучих русских мелодий, чувством подлинной драмы и в то же время почти разговорной естественностью интонирования. Чисто русская программа была бы встречена «на ура». Но Хворостовский - певец с огромным международным именем, поющий и Моцарта, и Малера, и Форе, и эту репутацию он отдавать не намерен. Вот почему в конце были пять очень непростых песен Рихарда Штрауса, к тому же известных американской публике, в том числе и в исполнении немецких и австрийских певцов, что составляло известный риск. Но мне кажется, они были очень важны для Хворостовского - эти музыкально-философские поэмы о любви, жизни и смерти, исполненные и личной боли и почти религиозной возвышенности и спетые с редкой проникновенностью. Иногда казалось, что они обращены к жене, Флоранс (вместе с детьми Ниной и Максом она сидела в ложе первого яруса). И уж точно к ней был обращен первый «бис» - неаполитанская "Passione". А нам всем - второй, знаменитая «Ноченька», которой заканчивалось так много концертов Хворостовского. За кулисами у двери артистической клубилась толпа коллег и друзей. За дверями служебного входа на холодном нью-йоркском ветру его ждала еще более густая толпа поклонников.

